

Научная статья

УДК 81'271

<https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-4-27-41>

ГРАНИ И ГРАНИЦЫ: ПРОБЛЕМА ПАРОНИМИИ В СОВРЕМЕННОЙ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Елена Иосифовна Голованова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия

terminolog2011@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматриваются примеры смешения в научных текстах лексических единиц, обладающих сходной внешней формой, но различных по содержанию. Анализируются критерии дифференциации паронимов в научной коммуникации, разграничивается употребление наименований соотносительных научных понятий (*терминирование – терминологизация; терминологический – терминоведческий* и др.). Отдельное внимание уделяется вопросу использования общелитературных слов в научной коммуникации – на примере анализа семантики и функционирования лексем «границы» и «границы».

Ключевые слова: научный текст, научная коммуникация, паронимия, термин, критерии разграничения.

Для цитирования: Голованова Е.И. Границы и границы: проблема паронимии в современной научной коммуникации// Лингвистика и образование. 2022. – Том 2. – №4(8). – С. 27-41. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-4-27-41>

Original article

FACETS AND BOUNDARIES: THE PROBLEM OF PARONYMY IN MODERN SCIENTIFIC COMMUNICATION

Elena I. Golovanova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

terminolog2011@rambler.ru

Abstract. The article considers examples of mixing lexical units in scientific texts that have a similar external form, but different in content. The criteria of differentiation of paronyms in scientific communication are analyzed, the use of names of correlative scientific concepts is differentiated (*terminating – terminologization; terminological – terminological*, etc.). Special attention is paid to the issue of the use of general literary words in scientific communication – by the example of the analysis of the semantics and functioning of the lexemes "facets" and "boundaries".

Keywords: scientific text, scientific communication, paronymy, term, criteria of differentiation

For citation Golovanova E.I. Facets and boundaries: the problem of paronymy in modern scientific communication, Linguistics & education 2022;4(8):27-41. <https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-4-27-41>

Введение

Одной из значимых проблем современной научной коммуникации является паронимия, то есть ненамеренное, не отрефлексированное автором (говорящим) смешение близких, но не совпадающих в структурном отношении лексических единиц, обладающих самостоятельным значением. Паронимия в научной речи ведет не только к стилистическим (в том числе эстетическим), но и к смысловым потерям, в связи с чем это явление, выступающее в ряде работ как системная ошибка, требует серьезного внимания. Тем более, что разграничение смежных явлений относится к числу важнейших задач научных исследований.

В одной из своих статей мы предложили рассматривать проблему дифференциации паронимов в научных текстах как часть общетеоретической проблемы соотношения формы и содержания в языке [3]. В основе паронимии в научной речи лежит сама возможность ошибочного отождествления слов на основе частичной общности их морфологической и семантической структуры. Эквивалентные отношения, обычно связывающие паронимическую оппозицию, обеспечивают непрерывность семантического пространства языка, их появление обусловлено когнитивными механизмами фокусирования и дефокусирования [2; 4].

Критерии разграничения паронимов в научном тексте

При рассмотрении явления паронимии в научной речи в поле исследования попадают как общеязыковые единицы, так и термины. Относительно последних С.В. Гринев-Гриневиц справедливо писал: «Даже незначительная разница близких по смыслу слов свидетельствует о том, что мы имеем дело с двумя близкими, но тем не менее разными понятиями, и, следовательно, с разными терминами» [6, с. 38].

В статьях нашей ученицы, Е.Н. Демидовой, рассмотрен ряд критериев, на основе которых возможно разграничение паронимов и осознанное употребление их в научных текстах [8]. В частности, отмечается, что дифференциация паронимов-существительных может осуществляться с учетом следующих

параметров: отношение к действию, качественная определенность, отношение к области референции. Так, в одних случаях при анализе паронимической пары важно установить, какое из слов служит обозначением понятия, безотносительного к действию, а какое – указывает на отношение понятия к действию, процессу (например: *метафора* – *метафоризация*; *типология* – *типологизация*; *эпонимия* – *эпонимизация*). Первые члены пар в приведенных примерах обозначают явление как таковое, вторые – обозначают процесс, результатом которого выступает данное явление.

В других случаях основанием для разграничения паронимов может служить соотнесенность обозначения с дискретным объектом либо с недискретной сущностью (тем или иным признаком, свойством предмета). Например, *конкурентность* – это характеристика объекта мысли (в данном случае, среды), а *конкуренция* – самостоятельный объект (имеющий конкретные проявления в среде).

Наконец, четкому разграничению паронимов может способствовать установление их связи с областью референции. Так, например, в лингвистических исследованиях в качестве терминов употребляются обозначения *частотность* (ср. *частота* – в общезыковом употреблении), *мотивированность* (ср. *мотивация* – в психологии). И в том, и в другом случае для лингвиста значимым моментом является характеристика языковых единиц (частотность их использования в тексте/дискурсе или наличие в их внутренней форме связи с другими лексическими единицами).

Чаще всего паронимические замены возникают в научном тексте при употреблении признаков слов (прилагательных, в том числе образованных путем перехода из причастий). Выделены четыре критерия разграничения таких паронимов в научном тексте: временная характеристика (выражение постоянного или непостоянного признака); посессивность признака (и связанная с этим конкретность/абстрактность свойства); отношение к действию (значимость или незначимость связи с действием); корреляция с областью референции.

По временной характеристике различаются относительные и качественные прилагательные. Постоянный признак, выражаемый относительными прилагательными, обуславливает статичность, стабильность выражаемой ими информации, что обеспечивает тождественность описываемого предмета самому себе. Именно поэтому относительные прилагательные выступают устойчивым компонентом составных терминов: *синхронный перевод, семантический анализ, тавтологические сочетания*. Непостоянный признак, который выражается качественными прилагательными, детерминирует динамичность и градуируемость транслируемой информации: *легкий вес, легчайший вес* (в тяжелой атлетике), *тавтологичное употребление*.

Посессивность понимается как «принадлежность объекту». При маркированной посессивности пароним-прилагательное отсылает к конкретному референту (например, *гидронимный, семный*), при немаркированной – выражает абстрактный признак (*гидронимический, семантический*).

Паронимы могут быть разграничены и на основе маркированности или немаркированности связи признака с действием (процессом). Если отношение к действию актуально, соответствующий признак выражается отглагольным прилагательным (*вербализованный, веляризованный*), если не является актуальным – признак передается соотносительным непроцессуальным прилагательным (*вербальный, велярный*).

Весьма значимый признак – указание на область референции. В соотносительных паронимах в качестве области референции может выступать целостная концептосфера (определенная область знания) и представляющий ее ядерный концепт (основной объект познания). Сравните, например: *диалектологический – диалектный, лингвокультурологический – лингвокультурный*.

Дифференциация общеязыковых паронимов на основе анализа их семантики

Возникновение некоторых пар паронимов можно наблюдать в течение обозримого периода времени (как проявление умеренного типа языковой эволюции). В одной из диссертационных работ наше внимание привлекла следующая формулировка: «...в пределах специального языка спорта четкой грани между данными пластами слов нет» (речь идет о профессионализмах и жаргонизмах). Сомнение вызвало употребление сочетания «четкая грань»: насколько правомерно такое сочетание в научной речи? Для ответа на этот вопрос мы обратились к данным толковых словарей.

В словаре Д.Н. Ушакова – первом толковом справочнике русского языка советской эпохи (опубликован в 1935–1940 гг.) – дано следующее определение слова «грань»: 1. То же, что граница (книжн. поэт.). *Там, за гранью непогоды. Языков. Он находится на грани безумия.* 2. Каждая из плоскостей, образующих ломаную граненую поверхность тела (мат.). *У куба шесть граней. Камень мелкой, чистой грани.* 3. Часть цифр большого числа, выделенная из него каким-н. знаком (мат.). *Для извлечения корня разбиваем число на грани по 3 цифры* [5].

Как видим, в двух случаях у этого слова отмечено специальное, математическое значение, и первым в статье указано значение, аналогичное значению слова *граница*, но только в поэтическом, книжном употреблении. Нейтрального значения автор словаря у этой лексемы не выделяет.

В словарях русского языка, изданных позднее, дается иная интерпретация семантики рассматриваемого слова. Так, в четырехтомном академическом «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой значение ‘линия раздела; граница’ определяется как устаревшее, при этом указывается оттенок значения ‘то, что отделяет одно от другого, служит разграничению, обособлению чего-л.’ и в качестве примера приводится известное выражение из документальных источников: *стирание граней между умственным и физическим трудом*, а также две цитаты из художественного и публицистического текстов, включающие фразеологизм *на грани жизни и смерти* и образное выражение *на грани двух разделенных миров*.

Как нейтральное, без помет, в словаре дается значение ‘плоская поверхность предмета, составляющая угол с другой такой же поверхностью’, весьма показательны иллюстрирующие примеры: это и общеязыковое употребление *Куб имеет шесть граней*, и фрагмент художественного текста: *В середине два бриллианта, каждый величиной в лесной орешек. Их граней, их очертаний не видно* (Куприн. Брильянты). Тут же приводится переносное значение слова ‘та или иная сторона, особенность чего-л.’ и иллюстративные примеры, включающие сочетания *грани характера, грани явления*.

Авторы словаря указывают еще два значения заголовочного слова, которые не совпадают со значениями в словаре Ушакова, но являются связанными со вторым значением слова *грань*: ‘ребро, образуемое двумя пересекающимися плоскостями’ и ‘качество, способ огранки, гранения’ (*алмазная грань*). В конце словарной статьи приведены два фразеологизма: «**На грани чего** – о крайнем пределе, за которым начинается, может последовать что-л. другое. **Провести грань между кем-чем**» [10, с. 344]. Оба устойчивых выражения восходят к первому, устаревшему значению рассматриваемого слова.

Таким образом, одно из значений, указанных Д.Н. Ушаковым, не упоминается вовсе, значение ‘граница’ отмечается как устаревшее, а в качестве актуального и основного дается значение плоскости, стороны предмета, которое получает дальнейшую разработку в языке (что представлено в виде двух новых значений).

Характеристика, приведенная в словаре под редакцией А. П. Евгеньевой, свидетельствует, с одной стороны, о процессе интеллектуализации русского языка: значение слова, воспринимавшееся в первой половине XX века как специальное (ограниченное сферой математики), стало основным. Этому, безусловно, способствовало распространение общенаучных знаний (в рамках школьного образования). С другой стороны, на закрепление значения ‘плоскость, сторона’ у слова *грань* повлияло вхождение в повседневную жизнь людей предметов, обладающих специфической качественной определенностью (граненый стакан, огранка камня) (см. об этом: [7, с. 10]).

Примечательно, что в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова, где слова *грань* и *граница* в соответствии с современным их восприятием разнесены по разным гнездам, все производные от лексемы «грань» (а их более 60) соотносятся со значением ‘плоскость, сторона’, ср.: *гранение, гранильщик, граненый, огранить, восьмигранник, многогранный* и т.д. [11, с. 452].

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Н.Ю. Шведовой приводятся лишь три значения рассматриваемого слова. Первым (основным) указано значение ‘плоская часть поверхности геометрического тела’ с иллюстрацией: *Грани куба. Грани алмаза, хрусталя*. В качестве второго, переносного значения названо ‘то, что отличает, отделяет одно от другого’ и дан пример: *Есть грань между проступком и преступлением*. Третьим указано значение ‘граница, рубеж’, которое отмечено как устаревшее. В этой же словарной статье приводится толкование фразеологизма с компонентом *грань* и показано его типичное употребление: «**На грани** чего (книжн.) – в непосредственной близости к переходу в другое (обычно худшее) состояние. *На грани безумия. На грани войны, катастрофы, разорения*» [12, с. 168-169]. В этимологической справке к статье под заглавным словом «граница» отмечается, что оно является суффиксальным производным от общеславянского **granь* (рус. *грань*) [12, с. 168].

В «Активном словаре русского языка» подтверждается закрепление за словом «грань» – в качестве основного – значения ‘участок поверхности’ (*грани кристалла*), а также связанного с ним дополнительного значения ‘аспект’ (*грани таланта*). Значение ‘граница’ (*на грани неба и земли*) определяется как устаревшее или книжное, в качестве переносного указано значение ‘воображаемая черта, разделяющая противопоставляемые понятия’ (*грань между вымыслом и ложью*). Наконец, приводится еще одно значение слова «грань» – ‘острый край’ (*острые грани осколков*).

В этом словаре ясно представлена семантическая общность двух слов, *грань* и *граница*, которая и делает их паронимами, т. е. созвучными и частично

пересекающимися по значению словами. В частности, и у того, и у другого слова авторы выделяют значение 'воображаемая линия, разделяющая два противопоставляемых говорящим и иногда трудноразличимых понятия А1 и А2, – как бы граница (*грань* в статье, посвященной этому слову. – Е.Г.) между ними' [1, с. 690-691]. Однако в иллюстративных примерах, сопровождающих указанное значение, есть различие. В статье, посвященной слову *грань*, среди примеров мы не обнаружили ни одного научного контекста: все примеры взяты из художественных текстов (фрагменты произведений А. Марининой, А. Рыбакова, Вен. Ерофеева, С. Довлатова, В. Пелевина), в то время как в статье, посвященной семантике слова *граница*, как минимум, в двух случаях приведены выдержки из научных текстов. Приведем их полностью: *Довлатов ненавязчиво фиксирует едва различимую границу между отречением и предательством* (А. Арьев); *Впрочем, Довлатов и не проводил четкой границы между личностью и персонажем* (А. Генис). И в том, и в другом примере – отрывки из работ ученых-литературоведов. Есть пример, взятый из газетного текста, близкого к научному (научно-популярному): *Такова судьба любого выдающегося человека, что после его смерти граница между правдой и мифами о нем размывается* (Аргументы и факты, 06.06.2001). Оставшиеся два примера по языковым особенностям и содержанию относятся к публицистике, их авторами являются писатель, журналист М. Веллер и писатель, филолог Н. Мандельштам.

Что касается моделей управления, приведенных в статьях, то они полностью совпадают. При этом по лексической сочетаемости рассматриваемые слова расходятся. У слова «граница» сочетаемость, судя по данным словаря, носит весьма ограниченный характер: «*Четкая <резкая> граница, зыбкая <едва уловимая> граница; прочертить границу; стереть границу*» [1, с. 690]. Обращает на себя внимание пример сочетаемости, поставленный на первое место (а значит, наиболее частотный) – *четкая граница*. Это именно то, что принципиально важно для научных текстов.

У слова «грань» сочетаемость носит гораздо более свободный характер: «*Тонкая <едва уловимая, едва заметная, незаметная, невидимая> грань, четкая*

<резкая, непроходимая> грань; грань между технологией и творчеством; на грани веков <тысячелетий>, на грани жизни и смерти <между жизнью и смертью>; балансировать на грани, перешагнуть <перейти> (через) грань; стирать грани между умственным и физическим трудом <между городом и деревней>; Это – за гранью моего понимания <человеческих возможностей>».

Приведенный перечень свидетельствует об образном характере сочетаний со словом «грань», с одной стороны, и о прецедентности, воспроизводимости многих примеров, с другой. Так, выше уже упоминалось сочетание «стирать грани между умственным и физическим трудом», высокой повторяемостью отличается и сочетание «стирать грани между городом и деревней». Устойчивый характер имеют сочетания «на грани жизни и смерти», «между жизнью и смертью», «за гранью человеческих возможностей», «балансировать на грани», «перешагнуть/перейти (через) грань». Все это свидетельствует о том, что слово *грань* преимущественно привлекается для создания экспрессивных языковых средств, которые востребованы, прежде всего, в рамках художественных текстов. Слово *граница*, обладающее бóльшей смысловой четкостью и определенностью, привлекается в текстах, где важна точность, объективность изложения.

Образный характер слова *грань* подтверждают данные Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru). Заданный нами поиск сочетаний со словом «стирание» показал, что в основном корпусе, где представлено 83 примера в 72 документах, количество сочетаний «стирание граней (грани)...» составляет 29 единиц против 36 сочетаний «стирание границ (-ы)». При этом часть первых представлена устойчивыми сочетаниями, упомянутыми выше (*между городом и деревней* – 4, *между физическим и умственным трудом* – 3, включая один случай трансформации: «*между умственным и физическим бездельем*»). Иными словами, в 7 случаях из 29 мы обнаруживаем актуализацию прецедентных текстов. Остальные примеры: «*между истиной и заблуждением*», «*между нациями и религиями*», «*между обывателем дореволюционным и нынешним*», «*между венцом создания и бессловесной тварью*», «*между людьми*

ISSN 2712-9519. ЛИНГВИСТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ. 2022. Том 2 №4(8) 35

и животным миром», «между работой и отдыхом», «между мужчиной и женщиной», «между интерфейсом пользователя и языком программирования», «между пользователем и программистом», «между чистой наукой и процессом ее производственной реализации» и др. Среди авторов произведений, откуда взяты примеры: В. Астафьев, Н. Богословский, М. Гроссман, Г. Щербакова и др.

Использование слова «границы» позволяет подразделить контексты на две группы: первую образуют контексты, актуализирующие информацию о стирании границ *«между виртуальным и реальным миром» («между реальностью и ее художественным изображением», «между текстом и реальностью», «между искусством и жизнью»)*, вторая включает остальные контексты (о границах *«между детьми и взрослыми», «между центром и провинцией», «между жанрами» («типами жанров»), «между до- и послереволюционной историей России», «между автором и читателем», «между спекулятивной метафизикой и естественной наукой»*). Здесь тоже встречаются выдержки из художественных произведений (В. Войновича, А. Марининой), но представлены и фрагменты трудов ученых (например, Ю.М. Лотмана, И.В. Бестужева-Лады).

В газетном корпусе разница в употреблении сочетаний со словом «грань» и со словом «граница» еще более очевидна: 21 пример с первым словом и 55 – со вторым. О каком разграничении идет речь? В 10 случаях, то есть почти в половине примеров – *между городом и деревней* (в том числе *«между гитарно-барабанной деревней и электронным городом»*). Кроме этого, используются следующие сочетания: *«между финансовым и нефинансовым сектором», «между экватором и полюсами», «между Всемирной паутиной и надписями на заборе», «между устным и письменным текстом», «между существованием по ту и по эту сторону экрана», «между кредитными платежами и другими финансовыми инструментами», «между наступательным и оборонительным оружием», «между жизнью и искусством», «между сенсорной и аналоговой клавиатурами», «между опорными и креативными хавбеками», «между отраслями права»*.

Приведем сочетания со словом «границы»: *«между высоким искусством и уличной культурой», «между персоналом и зрителями», «между политикой и религией», «между реальными и мнимыми угрозами», «между миром людей с обычными фигурами и с особенностями строения тела», «между городом и деревней», «между выдумкой и реальностью», «между собственностью и властью», «между парламентариями и гражданами страны», «между игровым и документальным кино», «между личной и профессиональной жизнью», «между разными видами искусства», «между онлайн- и офлайн-расчетами», «между кузовными решениями», «между товарами для профессионального спорта и фитнеса», «между временным и постоянным», «между Москвой и Подмосковьем». Обращает на себя внимание использование значительного количества терминов в сочетаниях с первым и вторым словом.*

Поиск в основном корпусе контекстов, включающих словоформу «четких» (граней/границ), показал, что из 567 примеров в 507 документах сочетания со словом «границы» единичны и в основном представлены историческими текстами. Например, фрагмент статьи, опубликованной в журнале «Вопросы языкознания» (1952): *«...установление четких граней между понятиями языка и его разновидностей»*; цитата из работы Г. Флоровского «О почитании Софии, премудрости Божией, в Византии и на Руси» (1932): *«Религиозная мысль выходит из четких граней византийского догматизма в область восторженных и возбужденных прозрений и созерцаний...»* или выдержка из его же работы «Жил ли Христос? Исторические свидетельства о Христе» (1929): *«...в четких гранях конкретной истории»*.

Что касается сочетания «четких границ», то в большинстве случаев это сочетание используется в текстах научного или научно-популярного стиля. Например: *«отсутствие четких границ внутри культурных явлений, внутри жанров японского искусства»; «нет четких границ между разными символическими универсумами»; «между убеждением, внушением и перевоспитанием нет четких границ, как нет четких границ между педагогией, психологией и психотерапией»* и др.

Таким образом, анализ показал, что водораздел в использовании паронимов *грань* и *граница* проходит в сфере стиля: в текстах собственно научного стиля (то есть там, где требуется точность и объективность) предпочтительно употребление слова «граница», в остальных текстах (особенно художественных или публицистических) возможно использование слова «грань» для актуализации различия между понятиями или, наоборот, указания на его отсутствие.

Анализ актуальных примеров паронимии в научной коммуникации

Говоря о проблеме паронимии в научных текстах, нельзя обойти вниманием некоторые другие соотносительные пары паронимов, ошибочно смешиваемых авторами.

На наш взгляд, пришло время для разграничения терминов *терминологизация* и *терминирование*. Указанные обозначения используются в научных статьях в сходных контекстах недифференцированно. Полагаем, что **терминирование** – это придание особого статуса лексической единице за счет разработки ее дефиниции, то есть четкого определения соответствующего понятия. Иными словами, о терминировании правомерно говорить в тех случаях, когда слово или словосочетание уже использовалось в научных текстах (является частью научного дискурса), но не имело строгой дефиниции. После того, как реализована потребность в определении границ стоящего за данной лексической единицей понятия, мы можем говорить о ее терминировании, то есть рассмотрении в качестве полноценного термина.

Под **терминологизацией** понимается преобразование общеупотребительного слова в термин. Это довольно распространенный способ пополнения состава терминологической лексики. В отличие от предыдущего процесса имеются в виду те случаи семантического преобразования лексической единицы, когда она из общего употребления заимствуется в особый, профессиональный дискурс на основе механизмов метафоризации, сужения значения или специализации (привязки значения к определенной сфере знания или деятельности).

К паронимам можно отнести также те единицы, которые частично различаются по составу. Например, в одной из работ вместо квалификации *неблизкородственные языки* использована квалификация *неродственные языки*. Разумеется, автор допустил значимую с научной точки зрения неточность, представил искаженную интерпретацию. Для нас важно, что между данными словами (*неродственный* – *неблизкородственный*) наблюдается частичное совпадение, в связи с чем их можно рассматривать как паронимы.

Еще один пример паронимии – смешение прилагательных *терминологический* и *терминоведческий*. Строго говоря, первое из данных прилагательных соотносится с научным объектом (*терминология* как объект изучения), а второе – с областью знания (*терминоведение* как междисциплинарная наука). Однако сложность заключается в том, что до определенного времени слово «терминология» использовалось и для обозначения научного объекта, и для обозначения соответствующей области знания. В 1967 году В. П. Петушковым было предложено назвать науку о терминах и терминосистемах *терминоведением* (подробнее см.: [9]). Данное обозначение было принято научным сообществом, в результате чего оказалась снята ненужная омонимия (или, по другой точке зрения, устранена многозначность термина). Однако до сих пор в работах встречается неуместное использование прилагательного *терминологический* при указании на область исследования.

Некоторые паронимы требуют особого внимания. Например, *антропонимика* и *антропонимия*. Даже в докторских диссертациях данные термины могут смешиваться. Между тем антропонимикой в научном дискурсе обозначают область знания, науку (часть ономастики, занимающуюся изучением антропонимов), а антропонимией – совокупность антропонимов (например, совокупность фамилий или личных имен, представленных в определенном языке).

К разряду стилистических паронимов в научном дискурсе можно отнести прилагательные *схожий* – *сходный*. Первое слово относится к разговорному

стилю и неуместно в научном, второе является общелитературным, а потому именно его следует употреблять в научных текстах. В студенческих работах довольно часто при характеристике лексики используется коллоквиализм *общеупотребимый* вместо кодифицированного обозначения *общеупотребительный*. В данном случае также можно говорить о стилистических паронимах.

Заключение

Проблема паронимии в научной коммуникации по-прежнему стоит довольно остро, поскольку до сих пор не создан специальный словарь терминологических и общезыковых паронимов, представленных в научных текстах. Между тем подобный словарь мог бы помочь упорядочить, систематизировать и гармонизировать использование соотносительных лексических единиц, облегчить (особенно для молодых исследователей) процесс выбора адекватного обозначения и обеспечить точность научной коммуникации.

© Голованова Е.И., 2022

Список источников

1. Активный словарь русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – Т. 2. – 736 с.
2. Голованова Е.И. Когнитивное варьирование в сфере профессиональной номинации // Когнитивные исследования языка. – 2015. – Вып. 22. – С. 631-633.
3. Голованова Е. И. Паронимия в научном тексте как проблема соотношения языковой формы и содержания // Гуманитарный вектор. – 2012. № 4 (32). – С. 28-33.
4. Голованова Е.И., Демидова Е.Н. Функционирование паронимов в научной речи как действие механизма профилирования // Ученые записки Забайкальского государственного университета. – 2015. – № 2 (61). – С. 18-23.
5. Грань [Электронный ресурс] // Толковый словарь Ушакова. – URL: <https://ushakovdictionary.ru/letter.php?charkod=195> (дата обращения: 02.10.2022)
6. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
7. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Чернышева Л.А. Лимологические исследования: о слове «граница» и о термине «граница» // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2018. – № 6. – С. 8-18.
8. Демидова Е.Н. Когнитивный подход к анализу паронимических замен в научной речи // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 37 (328). – С. 29-31.
9. Петушков В.П. Лингвистика и терминоведение // Терминология и норма: О языке терминологических стандартов. – М.: Наука, 1972. – С. 102-116.
10. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. – Т. 1. – 698 с.
11. Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. – 2-е изд., стер. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 1. – 856 с.

12. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова; отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 2008. – 1175 с.

References

1. Aktivnyy slovar' russkogo yazyka [Active dictionary of the Russian language]. Moscow, 2014. – Vol. 2. – 736 p.
2. Golovanova E.I. Kognitivnoe var'irovanie v sfere professional'noy nominatsii [Cognitive mapping in the field of professional nomination]. Kognitivnye issledovaniya yazyka [Cognitive language studies]. 2015. – No 22. – Pp. 631-633.
3. Golovanova E.I. Paronimiya v nauchnom tekste kak problema sootnosheniya yazykovoy formy i sodержaniya [Paronymy in a scientific text as a problem of the correlation of linguistic form and content]. Gumanitarnyy vector [Humanitarian vector]. 2012. – No 4 (32). – Pp. 28-33.
4. Golovanova E.I., Demidova E.N. Funktsionirovanie paronimov v nauchnoy rechi kak deystvie mekhanizma profilirovaniya [The functioning of paronyms in scientific speech as the action of profiling mechanism]. Uchenye zapiski Zabaykal'skogo gosudarstvennogo universiteta [Scientific notes of the Trans-Baikal State University]. 2015. – No 2 (61). – Pp. 18-23.
5. Gran' [Edge]. Tolkovyy slovar' Ushakova [Ushakov 's Explanatory Dictionary]. URL: <https://ushakovdictionary.ru/letter.php?charkod=195>.
6. Grinev S.V. Vvedenie v terminovedenie [Introduction to Terminology]. Moscow, 1993. – 309 p.
7. Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Chernysheva L.A. Limologicheskie issledovaniya: o slove «granitsa» i o termine «granitsa» [Limological research: about the word "border" and the term "border"]. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta [Bulletin of the Moscow State Regional University]. 2018. – No 6. – Pp. 8-18.
8. Demidova E.N. Kognitivnyy podkhod k analizu paronimicheskikh zamen v nauchnoy rechi [Cognitive approach to the analysis of paronymic substitutions in scientific speech]. Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Chelyabinsk State University]. 2013. – No 37 (328). – Pp. 29-31.
9. Petushkov V.P. Lingvistika i terminovedenie [Linguistics and Terminology]. Terminologiya i norma: O yazyke terminologicheskikh standartov [Terminology and norm: about the language of terminological standards]. Moscow, 1972. – Pp. 102-116.
10. Slovar' russkogo yazyka [Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1981. – Vol 1. – 698 p.
11. Tikhonov A.N. Slovoobrazovatel'nyy slovar' russkogo yazyka [Word-formation Dictionary of the Russian language]. Moscow, 1990. – Vol. 1. – 856 p.
12. Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov [Explanatory Dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, 2008. – 1175 p.